Ящик
4

РѢЧЬ Б. Н. ЧИЧЕРИНА.

„Пров

РѢЧЬ

Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Московскаго Городскаго Головы,

16-го мая 1883 г.

Эпизодъ изъ исторіи коронаціи въ москвѣ.

Съ предисловіемъ

Р. Р.

BERLIN.
B. Behr's Verlag (E. Bock).
1883.

2 экз.

2 экз.
4

126
37

Предисловіе.

На слѣдующій же день послѣ коронованія Государя Императора, въ понедѣльникъ, „16-го „мая, въ пять часовъ, въ залѣ Большой Мо- „сковской гостинницы собрались на обѣдъ всѣ „губернскіе Городскіе Головы со своими ассис- „стентами. Послѣ восторженно принятыхъ „тостовъ, провозглашенныхъ за здоровье Ихъ „Императорскихъ Величествъ, каждый изъ „присутствующихъ получилъ по рисунку, из- „ображающему Ихъ Императорскія Величества „въ моментъ коронованія. Распорядители обѣда, „по уполномочію всего собранія, отправили „привѣтственную телеграмму старостѣ (?!) „Исаакіевскаго собора, которымъ издана эта „картина на память русскимъ людямъ о ве- „ликомъ для Россіи днѣ. Въ телеграммѣ вы- „сказывается, что „каждый изъ получившихъ „сохранитъ изображенія Ихъ Императорскихъ „Величествъ для потомства.“ Вотъ и все,

что было сказано объ этомъ обѣдѣ 16-го мая, на слѣдующій день, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а потомъ повторено другими газетами Москвы и сообщено по телеграфу въ петербургскія газеты — и ни слова болѣе! Изъ газетнаго заявленія можно вывести только одно, а именно, что главнымъ героемъ этого обѣда былъ „староста Исаакіевскаго собора“ въ Петербургѣ, проживавшій однако въ то время въ московской гостинницѣ „Дрезденъ“, гдѣ находился и министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстой; извѣстно, что этотъ „староста“ — не кто иной, какъ знаменитый г. Евгеній Богдановичъ, а потому легко угадать, что и самое сообщеніе объ обѣдѣ въ „Московскія Вѣдомости“ было послано имъ же самимъ: кто же не знаетъ его привычки самому телеграфировать отвсюду въ газеты о себѣ и о восторженныхъ пріемахъ, какія оказываются ему, напримѣръ, во время его поѣздокъ обывателями городовъ, молящими именитаго путешественника походатайствовать предъ министрами (а они всѣ — непремѣнно его друзья) то о проведеніи желѣзной дороги, то о другихъ какихъ нибудь нуждахъ и пользахъ края. Удивительно, при всемъ этомъ, одно только обстоятельство: почему, вечеромъ того же дня, министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился ра-

зослать циркуляръ редакціямъ московскихъ газетъ, переданный по телеграфу и петербургскимъ, съ строжайшимъ запрещеніемъ, подъ страхомъ административной пріостановки изданія на шесть мѣсяцевъ, упоминать объ этомъ обѣдѣ Городскихъ Головъ, героемъ котораго былъ, повидимому, одинъ г. Евгеній Богдановичъ, благочестивѣйшій староста Исаакіевскаго собора? Что́ могло случиться за обѣдомъ, на которомъ, какъ засвидѣтельствовали сами „Московскія Вѣдомости“, былъ восторженно встрѣченъ тостъ за здоровіе Ихъ Величествъ, и съ благодарностью къ „старостѣ“ и съ искреннимъ благоговѣніемъ принятъ рисунокъ съ изображеніемъ Ихъ Величествъ? Русскія газеты даже и не рискнули вслухъ задаться такимъ вопросомъ; но неуловимая для цензуры молва, а за нею и иностранныя газеты, явившіяся потомъ въ Россіи, для нѣсколькихъ привилегированныхъ, безъ вырѣзокъ, объяснили досконально — въ чемъ дѣло. Молва изобличила цѣлую интригу, а иностранныя газеты сами вдались въ тотъ обманъ, въ какой вдался и министръ внутреннихъ дѣлъ — по крайней мѣрѣ, въ первое время. Оказалось на повѣрку, что благочестивѣйшій „староста“ и его друзья, не менѣе благочестивые, получили съ обѣда не только ту вышеупомянутую восторженную

телеграмму, отправленную Городскими Головами изъ Москвы въ Москву, но и подробную реляцію объ этомъ обѣдѣ отъ собственнаго соглядатая. Въ этой реляціи былъ помѣщенъ, на первомъ мѣстѣ, текстъ застольной рѣчи московскаго Городскаго Головы, почтеннаго и уважаемаго, какъ въ высшемъ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, Б. Н. Чичерина.

Конечно, рѣчь у соглядатая была набросана карандашемъ, а потому естественно, благочестивѣйшая клика должна была привести ее въ порядокъ и „перебѣлить"; при близкомъ сосѣдствѣ по отелю съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ обработанный текстъ рѣчи былъ у него въ рукахъ, прежде нежели успѣло закатиться солнце 16-го мая, бывшее свидѣтелемъ „ужаснаго событія" — произнесенія „возмутительной" рѣчи г. Чичеринымъ, омрачившей всё торжество коронованія, и при томъ на слѣдующій же день. Вотъ, отчего такъ быстро могло явиться запрещеніе газетамъ говорить объ обѣдѣ Городскихъ Головъ. Текстъ этой „перебѣленной" рѣчи былъ отлитографированъ для распространенія ея между „друзьями порядка", съ цѣлью увеличить, если то еще возможно, ихъ ненависть и къ муниципальнымъ учрежденіямъ вообще, и къ московскому Городскому Головѣ въ частности;

неудивительно, что „фальшивая“ бумажка попала въ руки и иностранныхъ корреспондентовъ и была ими опубликована, съ надлежащими комментаріями. Недѣли черезъ три послѣ того, „Московскія Вѣдомости“, несмотря на то, что выше упомянутый запретительный циркуляръ не былъ отмѣненъ, однѣ позволили себѣ нарушить молчаніе о рѣчи г. Чичерина, и привели изъ иностранныхъ газетъ выдержки изъ нея, отчасти съ цѣлью набросить тѣнь на оратора, а отчасти для того, чтобы обрушиться на головы иностранныхъ корреспондентовъ, „разъѣзжавшихъ въ казенныхъ каретахъ и получавшихъ содержаніе отъ русскаго правительства“, и тѣмъ не менѣе не обратившихъ должнаго вниманія на запретительный циркуляръ гр. Толстаго.

Но иностраннымъ корреспондентамъ было извинительно обмануться, послѣ того какъ содержаніемъ „перебѣленной“ рѣчи былъ обманутъ и самъ русскій министръ внутреннихъ дѣлъ, принявшій фальшивую монету за настоящую. Конечно, при извѣстной слѣпой ненависти гр. Толстаго къ земскому и городскому самоуправленію, онъ всегда охотно обманывается всякою клеветою на нихъ, и всегда относится недовѣрчиво только къ благопріятнымъ извѣстіямъ; но на этотъ разъ поддѣлка

была такъ груба и ясна, благодаря слишкомъ хорошо извѣстной личной репутаціи г. Чичерина, какъ консерватора, что обмануть министра можно было не иначе, какъ съ его согласія и при его страстномъ желаніи вовлечь въ такой же обманъ и самого Государя, съ тѣмъ, чтобы потомъ его именемъ свирѣпствовать противъ всякаго представительства въ странѣ; удовлетворяя своимъ личнымъ вкусамъ и похотямъ, гр. Толстой стремится вообще при помощи самого самодержавія мстить самодержавію за ненавистныя ему реформы прошедшаго царствованія. Сказать мимоходомъ, наказаніе самодержавія, посредствомъ самого же самодержавія, за всѣ его прошедшіе тяжкіе „грѣхи", составляетъ задачу всей политики гр. Толстаго, и та радость, съ которой онъ ухватился за фальсифированную рѣчь Чичерина, даже сознавая всю невозможность произнесенія такой рѣчи въ средѣ русскихъ Городскихъ Головъ, служитъ только доказательствомъ, что графъ не брезгаетъ никакими средствами для возбужденія самодержавія противъ всего, что сдѣлано имъ же самимъ, въ видахъ не одной пользы страны, — но и своей собственной.

Интрига на первое время удалась вполнѣ, если судить по слуху, явившемуся въ газе-

тахъ о внезапномъ сложеніи г. Чичеринымъ званіи московскаго Городскаго Головы, среди самаго разгара торжествъ и празднествъ коронаціи. Но вскорѣ, въ тѣхъ же газетахъ появилось описаніе городскаго праздника въ Москвѣ, на которомъ Государь, какъ бы въ опроверженіе того слуха, былъ особенно любезенъ съ г. Чичеринымъ и оказалъ ему большое вниманіе продолжительною бесѣдою съ нимъ; всѣ разговоры объ удаленіи г. Чичерина мгновенно прекратились; стоя недалеко отъ этой сцены, мы замѣтили только то, что министръ внутреннихъ дѣлъ весьма холодно отвѣчалъ на поклонъ Городскаго Головы, но тѣмъ не менѣе для г. Чичерина извѣстная пословица: „жалуетъ царь, но не жалуетъ псарь“ — не возъимѣла пока никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Г. Катковъ ограничился, при всемъ этомъ, однимъ зубовнымъ скрежетомъ. Разсказывали въ Москвѣ, что въ тотъ же злополучный вечеръ 16-го мая, сей доблестный мужъ, преисполненный негодованія противъ г. Чичерина, и искуственно воспаляясь злобою на рѣчь, завѣдомо и для него поддѣльную, — настрочилъ грозную статью въ отвѣтъ этому, имъ же выдуманному Чичерину, и министръ внутреннихъ дѣлъ успѣлъ удержать этого гро-

мовержца и вмѣстѣ своего патрона, и умилостивить его только тѣмъ, что онъ-де уже запретилъ всѣмъ газетамъ говорить объ этомъ обѣдѣ; появленіе статьи одного г. Каткова могло бы сдѣлать всю ихъ интригу секретомъ Полишинеля, — какимъ она, впрочемъ, теперь уже и сдѣлалась: едва ли и самъ г. Евгеній Богдановичъ вѣритъ въ настоящее время тому, въ чемъ онъ такъ легко убѣдилъ себя вечеромъ 16-го мая.

Дня два-три спустя, 19 мая, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась, однако, передовая статья; она, очевидно, служила отвѣтомъ, но не на выдуманную, а на дѣйствительную рѣчь г. Чичерина, списки съ которой стали также ходить по рукамъ, въ Москвѣ, какъ и оффиціальная ея поддѣлка. „Надувать“ больше кого бы то ни было — сдѣлалось затруднительнымъ, безъ опасности для самихъ клеветниковъ; — и вотъ, г. Катковъ выступилъ съ своею теоріею, предназначенною побить теорію г. Чичерина. Весьма любопытно сопоставить здѣсь эти обѣ теоріи, а потому помѣстимъ цѣликомъ всю элукубрацію „Московскихъ Вѣдомостей“, чтобы читатели могли вполнѣ наглядно понять и оцѣнить катковскій консерватизмъ и консерватизмъ г. Чичерина.

„Совершившееся торжество, — говоритъ г.

Катковъ, — въ той силѣ какъ оно совершилось, было для нашего отечества необходимостію. Оно должно поднять и обновить насъ. Оно должно обозначить грань между прошедшимъ и новою открывающеюся эрой въ жизни Россіи. Оно, мы вѣримъ и надѣемся, положитъ тѣ начала, которыми опредѣлится дальнѣйшій ходъ нашей исторіи. Что ожидаетъ насъ, то еще скрыто для разумѣнія; но мы хранимъ вѣру въ Промыслъ насъ ведущій. Такъ или иначе мы должны выйти изъ затрудненій оставленныхъ намъ прошедшимъ, воспользоваться его опытомъ и восполнить наши недостатки. Болѣе всего государственная жизнь наша страдала *недостаткомъ единства въ правительствѣ, непослѣдовательностію и противорѣчіями* въ его дѣйствіяхъ. Между разными вѣдомствами одного и того же правительства шла глухая, и нерѣдко явная борьба. Учрежденія дѣйствовали наперекоръ и въ подрывъ одно другому. Лица во власти не рѣдко относились другъ къ другу какъ бы вожди вражескихъ армій, употребляя между собою всякаго рода военныя хитрости. Вслѣдствіе этого, законодательныя и административныя мѣры выходили недостаточно соображенными съ потребностями ихъ вызывавшими, даже въ ущербъ имъ, бывало и такъ, что въ одно и то же

время, въ одномъ и томъ же отношеніи, правительство говорило и *да*, и *нѣтъ*. Вслѣдствіе этого, порождалось въ странѣ чувство правительственнаго безвластія, призракъ анархіи, и всѣ озирались ища, чѣмъ и какъ восполнить недостатокъ правительства. Личныя самолюбія брали верхъ надъ очевидностію факта, надъ убѣжденіями здраваго смысла, и хозяйничали въ дѣлахъ государственнаго интереса. Вопіющія несправедливости совершались во имя требованій правды. Противуправительственныя тенденціи поддерживались во имя правительственнаго авторитета. Печать стала органомъ всякой лжи и обмана, который даже не бралъ труда прикрывать себя. Школа стала предметомъ злоумышленной эксплуатаціи. Явился такъ-называемый нигилизмъ, которымъ воспользовались враги Россіи, чтобы создать ту революціонную мистификацію, которая изумила міръ и причинила намъ столько зла. Прежде всего надо раздѣлаться съ этою язвой, — и мы избавимся отъ нея немедленно, какъ только установится у насъ правительство совершенно солидарное, съ ясною программой, съ опредѣленными цѣлями, и взглянетъ на все единственно и исключительно съ точки зрѣнія государственной пользы, здраваго смысла и требованій своей, а не чужой жизни...

„Теперь, благодаря нынѣшнимъ великимъ торжествамъ, и для постороннихъ стало ясно, что русская революція есть призракъ. Сколько разъ свидѣтельствовали мы противъ этой *клеветы* на Русскій народъ*); сколько разъ обличали мы обманъ, который старался увлечь наше правительство на пути крамолы, подъ видомъ удовлетворенія потребностей народа; сколько разъ приходилось намъ оспаривать и своихъ и иностранныхъ политиковъ, которые сознательно или безсознательно становились органами мистификаціи, убѣждая Россію отказаться отъ самой себя и примкнуть своею громадой къ чужой системѣ, что́ могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ только ея разстройство и паденіе! Теперь всѣ наперерывъ спѣшатъ свидѣтельствовать о совершенномъ здоровьѣ Русскаго народа и могуществѣ Россіи.

„Не только уличное мнѣніе въ Европѣ о Россіи измѣнилось, но и международныя отношенія къ этому времени поправились. Вотъ доброе знаменіе для будущаго. Даже Англія, которая всегда подозрительно относилась къ намъ и была нашимъ главнымъ противникомъ на Востокѣ, теперь предвидитъ возможность

---

*) А кто клеветалъ, какъ не самъ же г. Катковъ?!

добраго соглашенія своихъ интересовъ съ нашими.

„Но чтобы все это упрочилось, намъ необходимо ясно знать, чего мы хотимъ и чего мы должны хотѣть. Это требуется какъ для международной, такъ и для внутренней политики нашей. Чтобы сохранять миръ и имѣть успѣхъ, надо не ослаблять требованій національной политики, но здраво разумѣть ихъ и бодро слѣдовать имъ.“

Столько наговорить и не сказать ничего, не придти ни къ какому другому результату, какъ только къ тому, что молъ „надо не ослаблять требованій національной политики, — *но* здраво разумѣть ихъ и бодро слѣдовать имъ“—можетъ только г. Катковъ, такъ какъ для него вопросъ о „здравомъ разумѣніи“ національной политики вовсе не составляетъ вопроса: для г. Каткова давно уже рѣшено, что „здраво разумѣть“ значитъ — разумѣть по-катковски; а „бодро“ слѣдовать политикѣ, для него лично, означаетъ продолжать бодро писать передовыя статьи. „Наша государственная жизнь, изрекаетъ г. Катковъ, страдала (при Александрѣ II) недостаткомъ единства въ правительствѣ“; но г. Катковъ оставляетъ необъясненнымъ, почему знаменитое „единство

въ правительствѣ“ при Николаѣ I превратило Россію въ чугунный колоссъ съ глиняными ногами, что́ и оказалось на дѣлѣ въ Крымскую войну? Итакъ, значитъ, „единство въ правительствѣ“ само по себѣ не есть сила; оно дѣлается, дѣйствительно, силою, когда правительственное „единство“ опирается на общественное мнѣніе страны; при Николаѣ I оно опиралось на патріота Булгарина; теперь „Московскія Вѣдомости“ предлагаютъ правительству опереться на патріота Каткова, — но результаты будутъ тѣ же. Если г. Каткову кажется, что при Имп. Александрѣ II не было „единства въ правительствѣ“, то и это должно разумѣть только какъ отсутствіе полнаго согласія тогдашняго правительства съ теоріями г. Каткова. Г-нъ Катковъ и не можетъ иначе понимать „единства въ правительствѣ.“ О настоящемъ „единствѣ въ правительствѣ“ нужно искать болѣе точныхъ объясненій именно въ рѣчи г. Чичерина: онъ не возвращаетъ насъ къ системѣ Николая I, съ Булгаринымъ во главѣ общественнаго мнѣнія, онъ не разсчитываетъ на какое нибудь улучшеніе отъ замѣны Булгарина Катковымъ, и указываетъ на единственно естественный и вѣчный союзъ правительства съ обществен-

ными силами страны, какъ на лучшее и прочное единство.

Г. Чичеринъ, приглашенный на обѣдъ обществомъ всѣхъ Городскихъ Головъ, какъ представитель города-хозяина, былъ потому посаженъ за обѣдомъ на предсѣдательское мѣсто, и отвѣчалъ на привѣтствіе, обращенное къ нему другимъ столичнымъ Головою, г. Глазуновымъ. Сколько мы могли разслышать, петербургскій Городской Голова выразилъ, отъ имени всѣхъ присутствующихъ, признаніе исключительныхъ заслугъ московскаго городскаго общественнаго управленія, на долю котораго достался счастливый, но не легкій трудъ принять и угостить въ своихъ стѣнахъ всю Россію; и это было выполнено имъ превосходно, а потому г. Глазуновъ спѣшитъ, отъ имени всѣхъ своихъ коллегъ, отблагодарить городское общество Москвы, предложивъ тостъ за здоровье его почтеннаго представителя. На это краткое привѣтствіе г. Чичеринъ и отвѣчалъ помѣщаемою ниже рѣчью. Текстъ ея печатается нами по снимку, снятому прямо съ рукописи, которая была просмотрѣна ораторомъ, какъ намъ то засвидѣтельствовали лица, заслуживающія полнаго довѣрія; всѣ при-

сутствовавшіе на обѣдѣ единогласно подтвердили, что опубликованныя „Московскими Вѣдомостями“ выдержки изъ иностранныхъ газетъ, введенныхъ въ обманъ оффиціальною поддѣлкою рѣчи г. Чичерина, есть наглая клевета — одно изъ вѣрнѣйшихъ орудій нашего времени. Но наглости г. Каткова нѣтъ предѣла: полтора мѣсяца спустя, 29 іюня, онъ на робкіе упреки газетъ, обращенные къ нему по поводу клеветы, пущенной имъ же въ ходъ противъ г. Чичерина со словъ иностранныхъ газетъ, разразился снова слѣдующею чистоноздревскою „откровенностью“:

„Будемъ однако *откровенны*—восклицаетъ г. Катковъ („Москов. Вѣд.“, № 178): хотя мы объявляли рѣчь г. Чичерина выдумкой корреспондентовъ, а все-таки *внутренно* (!) оставались въ недоумѣніи; не могла же эта исторія быть голою выдумкой!“ Въ переводѣ на французскій языкъ оговорка г. Каткова можетъ быть выражена такъ: calomniez, calomniez — il en reste toujours quelque chose; „рѣчь г. Чичерина есть-де выдумка, но не можетъ же она быть голой выдумкой!!“ Чувствуя шаткость подобной инсинуаціи, г. Катковъ прибавляетъ: „Скажемъ безъ обиняковъ и серіозно: рѣчь, произнесенная московскимъ Городскимъ Головой въ засѣданіи Думы, при вступленіи

его въ должность въ прошломъ году, заключаетъ въ себѣ *существенно тоже самое;* рѣчь эта не тайна; она была сказана предъ многочисленнымъ собраніемъ, потомъ напечатана, правда, съ нѣкоторыми выпусками по требованію г. губернатора... Но г. Чичеринъ не думалъ скрывать свою мысль: высказавъ ее публично, онъ энергически домогался, чтобы текстъ его рѣчи былъ напечатанъ in-extenso, въ чемъ отчасти и успѣлъ, отправившись въ Петербургъ"...

Итакъ, по признанію самого г. Каткова, послѣдняя рѣчь г. Чичерина заключаетъ въ себѣ существенно тоже самое, что было высказано въ первой его рѣчи, которая и напечатана въ Россіи in-extenso.. Почему же, въ такомъ случаѣ, послѣднюю рѣчь можно печатать только за-границей?.. Но напечатать ее въ Россіи значило бы поднять вопросъ о томъ, откуда же взялась поддѣльная рѣчь, и изобличить всю стряпню, совершенную на кухнѣ отеля „Дрезденъ", въ Москвѣ.

Р. Р.

Рѣчь Б. Н. Чичерина,

16 мая 1883 г.

Прежде всего считаю долгомъ поблагодарить Васъ отъ души за ту высокую честь, которую вы мнѣ оказали, пригласивъ меня сюда своимъ гостемъ. Я этимъ обязанъ конечно не себѣ, а тому, что я состою представителемъ Москвы. Вы хотѣли почтить древнюю столицу, въ которой всѣ мы, русскіе люди, видимъ нравственное средоточіе русской жизни. Какъ представитель Москвы, приношу Вамъ глубокую благодарность, и смѣю увѣрить, что если русскіе города чувствуютъ свою живую связь съ Москвою, то и Москва не менѣе живо чувствуетъ такую же связь со всѣми частями своего государства. Москва перестала быть мѣстопребываніемъ высшаго управленія, но она осталась главою русскихъ городовъ. Москва даже болѣе

чѣмъ городъ; Москва, это — все истинно-русское, принимая это слово не въ смыслѣ узкой и исключительной національности, какъ иногда его понимаютъ, а какъ начáло широкое, всеобъемлющее, способное все въ себя воспринять.

Я счастливъ тѣмъ, что мнѣ довелось быть представителемъ Москвы въ эти торжественные дни, когда со всѣхъ сторонъ стеклись въ нее русскіе люди для всенароднаго празднества. Не могу выразить того глубокаго и отраднаго чувства, которое возбуждаетъ во мнѣ нынѣшнее наше собраніе. Въ немъ есть что-то ободряющее и возвышающее душу. Я вижу передъ собою представителей русскихъ городовъ, пришедшихъ сюда съ противоположныхъ концовъ русской земли, изъ Перми, изъ Тавриды, изъ Риги, изъ Астрахани, изъ дальнихъ городовъ Сибири. Что же знаменуетъ это собраніе? Вынесемъ-ли мы отсюда только воспоминаніе тѣхъ торжествъ, въ которыхъ намъ довелось быть участниками, или среди насъ, какъ искра, зародится живая мысль, способная служить на общую пользу, и мы вынесемъ отсюда теплое чувство, которое останется для насъ связью

и будетъ поддерживать насъ въ нашей общественной дѣятельности?

Желательно, Мм. Гг., чтобы нынѣшнее наше собраніе не прошло безслѣдно, чтобы оно было началомъ единенія земскихъ людей на пользу отечества. Это единеніе составляетъ насущную нашу потребность. Мы переживаемъ трудныя времена. Мы принуждены оберегать, какъ зѣницу ока, то, что намъ всего дороже, самую святыню русскаго народа. Мы радуемся, когда день прошелъ благополучно, между тѣмъ какъ все должно быть исполнено довѣрія и любви. Россіи въ настоящее время приходится вести борьбу уже не съ внѣшними врагами, а съ собственными своими сынами, посягающими на мирное и правильное ея развитіе. Всъ мы алчемъ и жаждемъ законнаго порядка, а есть ли возможность утвердиться законному порядку среди тѣхъ ужасныхъ преступленій, которыя заставили содрогнуться всю русскую землю? Тутъ приходится усилівать полицейскій надзоръ, облекать власти чрезвычайными полномочіями, пріостановливать законныя гарантій свободы. Все остальное должно быть отложено до болѣе

благопріятнаго времени, когда намъ удастся осилить удручающее насъ зло. Съумѣемъ ли мы это сдѣлать?

Всѣмъ намъ, Мм. Гг., извѣстно, что это зло само по себѣ не такъ страшно, какъ оно кажется по своимъ послѣдствіямъ. Та партія, которая производитъ всю эту смуту, весьма немногочисленна. Она вербуется изъ недоучившейся молодежи, сбитой съ толку и развращенной пелѣпыми ученіями. Что же даетъ ей силу? Единственно то, что она дисциплинирована, между тѣмъ какъ все остальное разрознено и разобщено. Одно правительство, очевидно, не въ состояніи справиться съ этою задачею. Оно можетъ дѣйствовать только внѣшними средствами, а внѣшнія средства безсильны противъ внутренней болѣзни: тутъ необходимо воздѣйствіе самого организма; нужно содѣйствіе общества. Возможность этого содѣйствія существуетъ; начáло ему положено въ великихъ преобразованіяхъ прошедшаго царствованія. По всей русской землѣ созданы самостоятельные центры жизни и дѣятельности. Эти учрежденія намъ дóроги; мы видимъ въ нихъ будущность Россіи.

Но все это разрознено, а потому безсильно. Петръ Великій любилъ сравнивать тогдашнюю Россію съ „разсыпанною храминою," требующею руки зодчаго. Нынѣшняя, обновленная Россія тоже подобна разсыпанной храминѣ, но въ отличіе отъ прежней тутъ требуется не одна рука зодчаго: надобно, чтобы сами камни стремились сложиться въ стройное зданіе. Старая Россія была крѣпостная, и всѣ матеріалы были страдательными орудіями въ рукахъ мастера; нынѣшняя Россія — свободная, а отъ свободныхъ людей требуется собственная инициатива и самодѣятельность. Безъ общественной самодѣятельности, всѣ преобразованія прошедшаго царствованія не имѣютъ смысла. Мы по собственному почину должны сомкнуть ряды противъ враговъ общественнаго порядка. А для этого необходимо прежде всего, чтобы люди узнали другъ друга, чтобы они обмѣнялись мыслями, чтобы они протянули другъ другу руку. Вотъ этому-то и можетъ служить нынѣшнее наше собраніе; въ этомъ смыслѣ я говорю, что оно можетъ сдѣлаться началомъ единенія земскихъ людей.

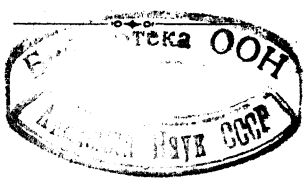
Пройдетъ немного дней — и всѣ мы вновь разсѣемся по всѣмъ концамъ нашего обширнаго отечества. Но если мы унесемъ отсюда сознаніе общей связи и потребность совокупной дѣятельности, наше собраніе не исчезнетъ безслѣдно. Духъ, Мм. Гг., не знаетъ границъ, — онъ связываетъ людей, раздѣленныхъ тысячами верстъ, въ одно живое, органическое цѣлое.

Таковы наши стремленія, таковы наши мечты. Враги свободныхъ учрежденій, тѣ, которые видятъ единственное спасеніе въ голомъ началѣ власти, могутъ усмотрѣть въ нихъ опасность, — пожалуй, увидятъ въ этомъ нѣчто революціонное. Мы можемъ равнодушно взирать на эти нареканія. Мы знаемъ, что насъ воодушевляетъ одно доброе общее чувство, которое служитъ намъ связью, и которому мы готовы жертвовать всѣмъ. Мы не становимся въ оппозиціонное отношеніе къ правительству — мы не требуемъ себѣ правъ. Мы спокойно ожидаемъ, когда сама власть признаетъ необходимымъ наше содѣйствіе; но когда этотъ зовъ послѣдуетъ — онъ не долженъ застигнуть насъ въ расплохъ: мы должны быть готовы.

И мы можемъ быть увѣрены, Мм. Гг., что пора этого зова не слишкомъ отдаленная.

Ни внутреннее положеніе Россіи, ни положеніе Европы не обѣщаютъ намъ періода долгаго мира. Могутъ настать грозныя времена, которыя потребуютъ напряженія всѣхъ силъ земли русской. Но если эти времена застанутъ насъ соединенными, намъ нечего опасаться. Крѣпкая единодушіемъ своихъ сыновъ, Россія выдержитъ всѣ бури, также какъ она выдерживала досель всѣ постигавшія ее испытанія. И она явитъ міру новыя силы духа, не только тѣ, которыя возбуждаются дѣйствіемъ сверху, но и тѣ, которыя вызываются въ народѣ внутреннимъ, живымъ движеніемъ свободы.

Мм. Гг., я поднимаю бокалъ за единеніе всѣхъ земскихъ силъ для блага отечества!


тека ООН